
**УТЕРЯННЫЕ
ПОБЕДЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

ДМИТРИЙ
ВЕРХОТУРОВ

ФИАСКО

1941:

ТРУСОСТЬ ИЛИ ИЗМЕНА?

Москва
2015

УДК 94(47+57)“1941”
ББК 63.3(2)622.11
В36

Верхогуров, Дмитрий Николаевич.

В36 **Фиаско 1941: трусость или измена? / Дмитрий Верхогуров.** — Москва : Яуза, Эксмо, 2015. — 320 с. — (Утерянные победы Второй Мировой).

ISBN 978-5-699-74858-7

Мог ли Сталин первым напасть на Гитлера? Правда ли, что катастрофа 1941 года объясняется нежеланием народа воевать за «преступный сталинский режим»? Или причиной стал заговор высшего командования против «кремлевского горца»? Что предопределило разгром Красной армии в первые недели войны — некомпетентность военачальников, трусость или измена?

Проанализировав самые громкие мифы о 1941 годе, эта книга не просто доказывает: все было не так! — но и называет подлинные причины трагедии, которые проглядели другие историки.

**УДК 94(47+57)“1941”
ББК 63.3(2)622.11**

ISBN 978-5-699-74858-7

© Верхогуров Д., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Введение

Зачем спорить?

Споры о начале Великой Отечественной войны идут уже более 20 лет. Часто градус накала дискуссии достигал максимума. Написаны десятки книг, сотни статей, тысячи комментариев на интернет-форумах. Любители военной истории прекрасно знают, какой труднообозримый объем информации за эти годы выдали противостоящие стороны: и те, кто считает, что Советский Союз оборонялся и вел справедливую войну, и те, кто считает, что Советский Союз был агрессором и нес «коммунистическое рабство».

Казалось бы, все заклепки на броне танков подсчитаны, толщина брони и калибры пушек скрупулезно измерены, выяснено, что никаких гор сапог, сваленных на границе, не существовало, и вроде бы уже время подводить итоги длинной и очень запальчивой дискуссии. Однако спор продолжается. Эстафета обличения Советского Союза как «агрессора» перешла от Виктора Суворова к Марку Солонину. Видимо, устала рука «капитана Ледокола» орудовать черпаком в поливании грязью Советского Союза, и он передал эту миссию своему продолжателю, благословив его «слезами Сальери». Марк Солонин за последние годы выдал целую кипу толстых книг, посвященных началу войны. В них все то же самое, что

и у Виктора Суворова, — подготовка агрессии против Германии, множество примеров, опять пересчет заклепок и измерение толщины брони танков, ну есть и авторские новшества — идея, что армия не хотела воевать за Сталина и потому разбежалась в первые дни войны, побросав оружие и технику, да еще пересчет заклепок на самолетах и подсчеты, сколько же самолетов немецкая авиация уничтожила на «мирно спящих аэродромах» в первые часы войны.

Дискуссия явно не закончена, поскольку выдвинута еще более глупая и нелепая концепция истории начала Великой Отечественной войны, превращающая всю Красную Армию и весь советский народ в трусов, дрожащих за свою жизнь. Эта концепция Марка Солонина не только «обнуляет историю», замазывая черной краской весь советский период, но и ведет к совершенно конкретным политическим выводам, в духе того, что надо-де каяться за «советскую оккупацию» и «подготовку агрессии», а «народ — трус», виноватый во всем, должен быть примерным объектом для эксплуатации со стороны «цивилизованного мирового сообщества». Поэтому на такую концепцию истории войны нельзя не ответить.

Конечно, и с Марком Солониным спорили, опровергали его аргументы, но, судя по критическим публикациям, его оппоненты делали это как-то менее охотно, по сравнению с критикой Виктора Суворова. И методика критики была такая же, как и в критике Виктора Суворова, — найти отдельные явно ошибочные высказывания и раскритиковать их. Также не было попыток вскрыть всю концепцию Марка Солонина, его основные тезисы, и развалить их в целом. Такая критика не достигала цели, поскольку дискуссия в целом имеет политический, а не научный характер, и выявлением отдельных ошибок оппонента

не свалить, и она только подталкивала Марка Солонина писать новые сочинения.

Однако же его нужно опровергнуть в самых основах, с выбиванием всякой почвы из-под его исторической концепции. К счастью, поскольку Марк Солонин сильно уступает Виктору Суворову в таланте полемиста, сделать это не столь трудно. Он часто сам себе противоречит, его концепция очень легко приводится к полному абсурду, очень легко доказать ее фальсификаторский характер, что и будет показано в завершающих главах.

Опыт моей предыдущей книги «Виктор Суворов врёт! Потопить «Ледокол»!», с момента выхода которой в свет прошло уже больше года, показал, что мой метод критики концепции ревизионистов в целом, в их основных тезисах, доказал свою эффективность. Я ожидал, что будет дискуссия, будут попытки меня ниспровергнуть, и даже изготавился к позиционным боям. Однако дискуссии не последовало. Была лишь пара рецензий. Основные оппоненты — сторонники идей Виктора Суворова — уклонились от дискуссии как в печати, так и в Интернете. Это показатель того, что критика попала в цель, хребет «Ледокола» сломан, и сказать им в ответ на мои аргументы нечего. Потому в этой книге также будет использоваться этот же метод.

Однако этого, пожалуй, недостаточно. Мало разгромить ревизионистов и показать лживость и абсурдность их построений. В отношении начального периода Великой Отечественной войны все еще существует неясность, как и почему произошло столь тяжелое поражение Красной Армии. Официальная версия истории не дает на этот вопрос убедительного ответа. Эта лакуна и создает условия для всякого рода ревизионистов, которые под флагом «открытия ис-

тины» проталкивают свои политически ангажированные и весьма дурно пахнувшие исторические теории. И они оказывают влияние на многих исследователей и популяризаторов военной истории. Потому и на этот вопрос о причинах поражения в 1941 году также надо дать ответ.

В силу этих факторов в книге будет не только критика концепции Марка Солонина, но и исследование того, почему же Красная Армия не смогла дать отпор вторгшимся немецким войскам. По моему убеждению, основанному на том, что любая большая война стоит на хозяйственном базисе, эти причины нужно искать в сфере экономики, в экономическом состоянии театра военных действий летом 1941 года перед войной, что самым серьезным образом оказывало влияние на подготовку Красной Армии к войне и на сам ход боевых действий. Далее, мы не сможем понять ситуацию, сложившуюся в начале Великой Отечественной войны, если не будем систематически сравнивать подготовку к войне обеих сторон: и Красной Армии, и Вермахта. Это сравнение в научной литературе, к сожалению, делалось в недостаточной степени, хотя имелись все необходимые для этого материалы. Наконец, мы должны также принимать во внимание общий политический контекст подготовки к войне, который также оказывал свое влияние на принятие ключевых решений.

Все это вместе: экономическое состояние театра военных действий, сравнение подготовки к войне Вермахта и Красной Армии и анализ общего политического контекста — есть составляющие научного подхода, который и ведет к правильным выводам. Сделать эти выводы означает нанести сокрушительный удар по ревизионистам в целом и Марку Солонину в частности.

Часть первая

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Читая Марка Солонина и его многостраничные излияния по поводу первых дней войны, брошенных чудо-танков и длинных колонн пленных, не перестаешь удивляться, насколько же мало внимания уделяется театру военных действий — Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине, где и развернулись сражения первого месяца войны. По существу, если не считать упоминания речек, городков и местечек, вокруг которых разворачивались бои, весь этот обширный регион не удостоивается сколько-нибудь серьезного изучения. Такое ощущение, что у Марка Солонина сражения идут на контурной карте, практически на чистом листе бумаги, по которому он двигает дивизии, армии и корпуса. Да и не только у него.

Между тем на этой территории имелось немало объектов, которые самым прямым образом влияли на подготовку и ход боевых действий, такие как железные и автомобильные дороги, мосты, линии связи, аэродромы и посадочные площадки. По условиям того времени, для Красной Армии решающее значение имели железные дороги, от которых зависела концентрация сил на западной границе и их снабжение всем необходимым для жизни и боя. Если не учитывать

их состояние и возможности, то картина событий июня — июля 1941 года окажется грубо искаженной. Также и отсутствие нужных объектов, которые можно было бы использовать для военных нужд, играло большую роль. Если в нужном месте и в нужный момент не оказывалось ни дорог, ни мостов, ни зданий, ни даже крепкого подвала под размещение штаба, все это может самым негативным образом сказаться на ходе боевых действий.

К слову сказать, подобное отношение к театру военных действий на западной границе свойственно для многих авторов, как сторонников, так и противников Марка Солонина и Виктора Суворова. Они часто ведут запальчивые споры о танках и самолетах, совершенно не замечая того, что обеспечивает боевые действия, в частности, те же самые железные дороги. И это ведет к явно ошибочным выводам. Дошло до того, что А.В. Исаев в своей статье в сборнике «Первый удар Сталина» предполагает, что в гипотетическом «первом ударе» в 1941 году фронту Красная Армия могла выделить 6,5 млн человек из 8,6 млн человек по МП-41, но ни слова не говорит о том, как такая масса людей с техникой, вооружением, боеприпасами, другим имуществом и грузами могла быть перевезена к западной границе¹. Конечно, легче всего предполагать, когда воюешь на контурной карте и не задумываешься о проблемах военной логистики. Однако реальная Красная Армия в 1941 году не могла не считаться с подготовкой театра военных действий к войне в общем и возможностями военной логистики в частности, и эти вопросы влияли на все стороны боевой подготовки.

¹ Исаев А.В. и др. Первый удар Сталина. М.: Яуза, Эксмо, 2010. С. 14.

Более того, если на советской территории еще что-то замечается из инфраструктуры, те же самые мосты (о которых написаны десятки страниц с рассуждениями, почему их не взорвали), то вот что делалось на немецкой территории и как там обстояло с теми же объектами, не говорится и полслова. Нет даже самой скупой характеристики, не говоря уже о сравнении. Как при таком подходе можно делать какие-то выводы?

Между тем это один из наиболее важных моментов, отвечающих на вопрос, почему немцам удалось добиться концентрации своих сил и обеспечить локальное превосходство на участках прорыва. Сосредоточение немецких армий у советской границы сопровождалось массовыми и масштабными перевозками живой силы, техники, боеприпасов, горючего, продовольствия, снаряжения. То же самое делалось и при сосредоточении Красной Армии у немецкой границы. При таком встречном движении войск навстречу друг другу, у кого лучше дороги, у кого они большей пропускной способности (то есть позволяют перевезти большее количество грузов в единицу времени), тот сможет развернуть и сосредоточить свои войска быстрее, и у того возникает преимущество, выражающееся в выборе времени и места удара, создании локального решающего превосходства в живой силе и технике. Это созданное транспортной инфраструктурой театра военных действий преимущество и превращается в победу на поле боя. В особенности это было важно летом 1941 года. Так что когда «альтернативщики», вроде А.В. Исаева, предполагают, что вот если бы Красная Армия в 1941 году мобилизовала бы и перебросила к границе 6,5 млн человек, то вот

что-то было бы — это совершенно определенно ненаучный подход, если не сказать сильнее.

Вообще, экономическое развитие страны и состояние жилой, промышленной, транспортной инфраструктуры оказывает большое влияние на ход боевых действий. Потому разбор причин поражения Красной Армии в 1941 году стоит начать именно с того, что собой представлял театр военных действий — обширная территория, охватывающая Прибалтику, Западную Белоруссию и Западную Украину.

Глава первая

ЖЕРТВЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Начнем мы со смешного. Марк Солонин как-то раз заявил, что прибалтийские страны перед войной достигли огромных экономических успехов: «Нельзя не признать, что под руководством жестких авторитарных режимов молодые государства Балтии добились огромных экономических успехов, а такие страны, как Латвия и (в меньшей степени) Эстония, по уровню и качеству жизни населения вышли на очень достойный западноевропейский уровень»¹. По существу, это продолжение известного тезиса Виктора Суворова о «голоде ради оружия» в СССР и восхваления якобы процветавших перед войной Германии и Польши. Только Марк Солонин включился в это восхваление «европейского процветания», добавив в список еще и прибалтийские страны. В его книге не приводится никакого обоснования этого тезиса, а только ссылки на пару воспоминаний о том, как со-

¹ Солонин М. Другая хронология катастрофы 1941: Падение «сталинских соколов». М.: Яуза, Эксмо, 2011. С. 14.

ветские командиры в Латвии покупали в магазинах мебельные гарнитуры.

Однако для любого, кто хотя бы интересовался экономикой Европы в 1930-х годах, этот тезис звучит очень смешно. Европа в межвоенный период не вылазила из экономических кризисов, сначала послевоенного, потом из кризиса Великой депрессии, а потом еще разразился кризис конца 1930-х годов, непосредственно толкнувший Германию в войну. Какие тут «огромные экономические успехи»?

Марк Солонин, вслед за Виктором Суворовым, всеми силами пытается противопоставить «европейское процветание» якобы «голодному и нищему» Советскому Союзу, в котором был «голод ради оружия». Ничего, что тезис о европейском процветании противоречит фактам. Если факты противоречат теории, то Марк Солонин быстро избавится от этих фактов или просто обойдет эту тему далеко стороной, не вдаваясь в подробности.

Между тем этот вопрос имеет весьма близкое отношение к причинам неудачного начала войны, независимо от того, что по этому поводу думают всякие фальсификаторы. Мы посвятим некоторое внимание экономическому развитию Польши и стран Прибалтики в межвоенный период, чтобы понять, в каком состоянии находилась инфраструктура театра военных действий и какое это воздействие оказало на начало войны и исход приграничных сражений.

Прибалтийская деиндустриализация

До Первой мировой войны территории будущих прибалтийских государств развивались в рамках хозяйства Российской империи и имели доступ к ее об-

широкому внутреннему рынку, что было очень важно и для сельского хозяйства животноводческой направленности, и для промышленности Прибалтики.

Латвия и Эстония в то время были промышленно развитыми губерниями. Например, в Латвии, в Риге, с 1869 года работал крупный вагоностроительный завод, основанный немецко-голландским капиталом, который с 1874 года стал известен как «Русско-Балтийский вагонный завод», со временем ставший одним из крупнейших в России машиностроительных предприятий. На нем работало 4 тысячи рабочих, и в 1900 году завод произвел более 5,5 тысячи товарных вагонов. В 1908 году там появился автомобильный отдел, а в 1911 году появился авиационный отдел. Работал и другой вагоностроительный завод «Феникс» мощностью 4000 товарных и 200 пассажирских вагонов в год, также производивший сельскохозяйственные орудия. С 1886 года в Риге работал знаменитый велосипедный завод Лейтнера, который позже стал выпускать и автомобили. В Либаве и Митаве были металлургические и металлообрабатывающие заводы¹. С 1898 года в Риге работали мастерские по ремонту телеграфов, телефонов, которые потом стали родоначальником известного завода «Valsts Elektrotehnisk Fabrika» (VEF). В 1914 году в Латвии было 94 тысячи рабочих².

В Эстонии с 1857 года работала известная Кренгольмская мануфактура — одно из крупнейших в России текстильных предприятий, дававшее 8% хлопчатобумажных тканей, производимых тогда в России.

¹ *Маркон И.* Очерки по истории промышленности Латвии. Рига: Латгосиздат, 1951. С. 29–30.

² *Гаварс П.И.* Латвия — годы независимости. Rīga: «Pētergaila» Bibliotēka, 1993. С. 81.

С 1899 года в Таллинне работал вагоностроительный завод «Двигатель», выпускавший судовые двигатели, паровые двигатели, локомобили, вагоны и ремонтировавший паровозы. Во время войны завод выпускал снаряды, ручные гранаты, стрелковое оружие. Были и другие машиностроительные предприятия, например крупная верфь — «Русско-Балтийский судостроительный завод» в Таллинне, на котором в 1916 году работало 15 тысяч человек, и этот завод мог строить одновременно 6 судов по 3000 брт каждый. Работали еще две крупные верфи — «Беккер» и Петровская верфь¹. С 1883 года работала крупная деревообрабатывающая фабрика TVMK, освоившая производство фанеры. В 1913 году в Эстонии было 43 тысячи промышленных рабочих, в том числе в металлообрабатывающей промышленности — 11 тысяч человек. В 1916 году, в связи с нуждами военного времени, численность рабочих в этой отрасли выросла до 26 тысяч человек². Эстония до Первой мировой войны примерно половину дохода получала от промышленности. По этим, самым кратким, данным нетрудно себе представить степень экономического развития Прибалтики до революции.

После провозглашения независимости в прибалтийских странах очень быстро от крупной машиностроительной промышленности практически ничего не осталось. Если крупная латышская промышленность подверглась разорению в связи с эвакуацией в 1915–1916 годах и последующим немецким грабе-

¹ Брандт Э.И. Создание экономического базиса социализма в Эстонской ССР. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1957. С. 10.

² Эланго Б.Ю. Эстония в годы временной частичной стабилизации капитализма (1925–1929). Таллин: 1954. С. 7.